

Мовазнаўства

В переломные моменты исторического развития социальные факторы оказывают огромное влияние на язык и его роль в обществе. Особенно сильно изменения затрагивают публицистическую лексику, зачастую опережающую развитие событий, лексику, где видны поиски новой идеологии и попытки реанимации утраченных ценностей. В такой ситуации метафора является сильнейшим изобразительным средством языка, иллюстрирующим изменения в сознании людей. Истоками современной политической метафоры часто являются различные терминосистемы, что обеспечивает ей широту содержания и тематики. Создавать новое означает строить это новое. Естественно предположить, что строительная терминология через метафоризацию пополнит лексику русского языка. Содержательный контент-анализ политической лексики газетных текстов за 1996-1997 гг., проведенный учеными из Института русского языка РАН, показал, что группе метафор, объединенных под названием СТРОЕНИЕ, принадлежит второе место по частоте употребления. Эта группа включает в себя широкий круг контекстов, где концепт "национальная идея" дается как нечто, что требует созидания, построения. В метафорах группы в качестве одного из референтов использованы строительные термины, в их числе: *перестройка, фундамент перестройки, "наш дом - Россия", прораб перестройки*. По данным исследователей, конструктивные метафоры группы СТРОЕНИЕ в сознании общества носят положительную оценку (Баранов 2001, 261-265).

Таким образом, в последние годы строительная терминология не только расширила свой метафорический строй за счет образования новых терминов, но и сама послужила основой для возникновения метафор в политической лексике середины 90-х годов двадцатого века. В результате вхождения терминов через метафору в общеупотребительную лексику происходит расширение их семантики и детерминологизация.

При обучении языку специальности преподаватель в процессе отбора языкового материала сталкивается с научными метафорами, каждая из которых требует комментария. Чтобы методически грамотно построить работу, следует четко представлять себе их природу. В данной статье мы рассмотрели процесс метафоризации профессиональной лексики и современной общеупотребительной на примере строительной терминологии.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990.
Дэвидсон Д. Что означают метафоры // Там же.
Блэк М. Метафора // Там же.
Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. М., 2001.
Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М., 2001.
Петров В.В. Проблема указания в языке науки. Новосибирск, 1977.
Баранов Г.С. Научная метафора. Модельно-семиотический подход. Кемерово, 1993.

Поступила в редакцию 05.09.05.

Елена Владиславовна Журавлева - преподаватель кафедры белорусского и русского языков БИТУ, соискатель кафедры прикладной лингвистики БГУ. Научный руководитель - доктор филологических наук, профессор В.А. Карпов.

СЛ. ДУБИНКО

КУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ ЗНАЧЕНИЯ И ТИПЫ СООТВЕТСТВИЙ МЕЖДУ ОРИГИНАЛОМ ТЕКСТА И ЕГО ПЕРЕВОДОМ

Рассматриваются трудности перевода, обусловленные следующими причинами: семантические несоответствия, наличие этнографических лакун, различия пресуппозиций.

The article considers such problems of theory and practice of translation as semantic disparity, absence of some words in another language due to ethnographic reasons, differences in presupposition.

Одна из основных задач переводчика - свести к минимуму информационные потери при переводе, однако ее решение не всегда выполнимо из-за слитности, синкетичности межъязыковых и межкультурных различий. «Процесс перевода

пересекает не только границы языков, но и границы культур» (Швейцер 1988, 35). Трудности возникают в процессе поиска подходящих соответствий для лакунарной лексики, слов, имеющих культурное сознание, отсутствующих в переведяющем языке, а также способов вербального описания паралингвистических знаков, имеющих различия в разных языках. Так, исландское слово *mistletein* и русское *омела* обозначают один и тот же объект - 'род венчозеленых кустарниковых растений' ('Viscum albit'). Однако у исландского слова имеется культурное сознание, которого нет у его русского соответствия. В мифе о смерти Бальдра в «Младшей Эдде» рассказывается, что светлый бог Бальдр был убит именно побегом омелы, который злой бог Локи вырвал, вложив в руку слепому богу Хеду, и направил в Бальдра. Растение омела в Исландии не встречается, а поскольку данный отрывок из «Младшей Эдды» входит в обязательное чтение в исландской школе, то объем значения слова *mistletein* для исландца - это не столько 'Viscum albit', сколько то, чем Локи убил Бальдра. Как ботанический феномен английское слово *mistletoe* равнозначно исландскому *mistletein* и русскому слову *омела*, но омела в Англии является традиционным украшением дома на Рождество, а, следовательно, у английского слова *mistletoe* есть культурное сознание, отсутствующее у его исландского и русского ботанических эквивалентов. Данные этнолингвистики и лингвострановедения представляют большой интерес для межкультурной коммуникации, а также теории и практики перевода. Переводчик должен быть не только хорошим лингвистом, но и специалистом в области межкультурной коммуникации, владеть широкой информацией о народе, говорящем на этом языке. И только тогда его можно считать специалистом высокого уровня. По мнению ряда авторов, трудности перевода обусловлены неодинаковой категоризацией действительности разными языками, что нередко не позволяет сохранить инвариантность смысла в переводе; существованием этнографических лакун (Семко 1988, 199); приданием диалектам исходного языка, которым нет соответствий в переведяющем языке, стилистической значимости; различиями в стилистических нормах языков (см. Комиссаров 1980, 166). Адекватный перевод, сделанный благодаря высокой лингвистической и определенной межкультурной компетенции переводчика, содействует проникновению в другие культуры и является способом взаимодействия культур между трансляционно контактирующими народами. Как отмечает В.Н. Ярцева, переводы служат не только источником заимствованных лексических единиц, но и стимулируют выявление и использование потенций родного языка переводчика (см. Ярцева 1986, 243). Межкультурная компетенция переводчика, выбор подходящего соответствия и переводческий комментарий помогают адресату преодолеть непроницаемость иностранного языка и чужой цивилизации. Присущее одному народу понимание прекрасного иногда в значительной степени отличается от представлений о красоте, существующих у других народов. Вряд ли можно логически объяснить, почему английский язык особо выделяет безжизненность дверного гвоздя ('as dead as a doornail') или хладнокровие огурца ('as cool as a cucumber'). Если в зооморфной характеристики образа любимой в переводе с бирманского приветливый взгляд как у белых слонят, а изгиб тонких бровей - пиявок черней, то в русском переводе необходима культурная адаптация для создания этого прекрасного образа: положительную зооморфную характеристику дадут, например, соболиные брови. Культурная адаптация помогает постепенно приучать носителей переведяющего языка к частичному видению мира в языковых образах носителей исходного языка. Культурные адаптации предоставляют интересный материал для исследования литературам, историкам, этнографам. Ряд авторов отмечает, что по мере сближения национальных культур необходимость в самых малых элементах национальной адаптации постепенно отпадет (см. Черкасский 1987, 156), так как сближение идет по линии освоения инонациональных реалий, терминов, некоторых афоризмов, художественных моделей и жанров. В ходе названного процесса в русский язык пришло слово *инициативы* во множественном числе по аналогии с английским словом "initiatives", семантические заимствования типа *крестный отец* ('god-father') в значении 'главарь' (мафии), 'покровитель', 'шеф'. Из русско-

го языка в английский пришло слово *бабушка* в значении 'платок', 'косынка' (Пажченко 2000, 41). «Экспансия» английского языка как основного средства межкультурной коммуникации в современном мире осуществляется и на уровне грамматики. Так, в настоящее время наблюдается постепенное вытеснение конструкции *у нас есть* конструкцией 'мы имеем' ('we have'), использование инфинитивных конструкций, идущее вразрез с нормами русского языка, но типичное для английской грамматики: «Характерной особенностью речи англичан является *говорить сдержанно*». Несмотря на негативность многих из отмеченных процессов для нашей национальной идентичности, отметим, что некоторые из них способствуют облегчению межкультурной коммуникации.

Как известно, в самом «конгениальном» переводе неизбежны информационные неточности по объективным и субъективным причинам. Личностные смыслы и вкусы коммуникантов можно связать с эффектом «смысловых ножниц» в случае их несовпадения. Расхождения между личностными смыслами участников переводной коммуникации значительно уменьшаются за счет хорошей ориентации переводчика в ситуации действительности и невербальных семиотических системах, а также владения им тезаурусом, общим для автора оригинала и адресата перевода. Во избежание смысловых ножниц и тех ловушек, куда они ведут, переводчик должен иметь высокую степень языковой компетенции, а также адекватный уровень информационного запаса (знание традиций, культуры, истории страны изучаемого языка) (Петренко 1999, 41). Следует говорить о появлении такого элемента коммуникативной компетенции, как чувство адекватности/неадекватности перевода. Чем специфичнее и уникальнее то или иное явление на исходном языке, тем труднее решаются проблемы, которые видный американский переводчик Р. Лурье считал поиском «эквивалентов культур» (см. Lourie 1989, 38). Переводчик попадает в затруднительную ситуацию, когда видит такие слова, как *коммуналка, общественная работа*. Русское выражение *общественная работа* в значительной степени отличается от американского *social work*, означающего, главным образом, помочь неимущим, обычно оплачиваемую местными властями. Особой осмотрительности при переводе требует русское слово *борьба*. Сравним: *anti-smoking efforts* ('борьба с курением'), *anti-tobacco crusader* ('борец против курения'), а также слова *drive, battle, work*. В смысловом спектре английского слова *struggle* есть семантический компонент, которого нет в сочетании 'the struggle for life'. *Struggle* - это тяжелые, мучительные усилия. Например, *the struggling farmers* - это не 'борющиеся за свои права фермеры', а 'фермеры, попавшие в тяжелое (экономическое) положение'. Слово *грамотный, грамотно*, вошедшее в обиход в своем непрямом значении, неэквивалентно английскому 'iterate'. Последнее ближе к русскому 'высокообразованный'. Русское же *грамотный* (в смысле *грамотное решение, действовать грамотно*) надо переводить в зависимости от контекста: 'intelligent, wise solution (decision)', 'to act properly/appropriately'. Не следует также путать русские слова *неграмотный* ('illiterate') и *безграмотный* ('ignorant'). В «переводческие ловушки» иногда попадает и слово *rational*, соответствующее русскому 'рациональный' ('rational discourse'), а вот русское *рациональный* становится «ложным другом». Поэтому *рациональная технология* - 'efficient technology', а *рациональное решение* - 'reasonable/appropriate solution'. В ряду особенностей русской культуры находятся учреждения и услуги, для которых нет прямых аналогов в английском языке (ЗАГС, дом отдыха и др.) (см. Виссон 2001, 49). Для устранения таких стилистических различий в восприятии русских реалий переводчику приходится семантически переосмысливать каждое понятие, неэквивалентное английскому. В противном случае «ложные друзья» превращаются в ловушки, которые расставляет буквальный перевод. Вот еще некоторые примеры: *актуальный* ('topical', 'pressing', 'relevant', 'important'), *авантюра* ('a letter of recommendation', 'character reference'), *оперативный* ('effective', 'quick', 'practical', 'current', 'timely'). Особую трудность в поисках межязыковых соответствий представляют так называемые «языковые игры», требующие от переводчика поиска нужной ассоциации в своей культуре. Некоторые авторы называют «языковыми играми» любые речевые акты, создаваемые по определенным

правилам в определенных целях. Другие же используют этот термин в качестве общего названия самых различных стилистических приемов - тропов, каламбуров, шуток, аллитераций, рифмы и т. п. Например, когда внутренняя форма создает переводческие проблемы за счет возникновения некоторого коммуникативно-релевантного категориального смысла: «Microcomputers are small, *breadbox-size computers* that are as powerful as computers that occupied entire rooms a few years ago». - «Небольшие, размером в буханку хлеба, микрокомпьютеры являются столь же мощными, как и компьютеры, для размещения которых не так давно требовались целые залы». Возможно, семантически более «прямым» соответствием является перевод 'размером с хлебницу', но хлебницы у нас весьма разнообразные по размерам и формам. Освоение чужой культуры посредством языка, как мы видим из приведенных примеров, может проходить разными путями. Важной при этом является такая функция перевода, как согласование смыслов и языковых форм инокультурного текста с моральными и идеологическими ценностными доминантами данного общества. Стилистической норме русского языка чужды, например, нецензурные выражения, которыми могут изобиловать произведения даже прогрессивных авторов на Западе. При переводе на русский язык нецензурные выражения обычно смягчаются, что свидетельствует о несовпадении некоторых конвенциональностей в разных социумах. Для научно-технических, официально-деловых, общественно-политических и других «серьезных по содержанию» текстов на английском языке характерны коллоквиализмы и жаргонизмы, что не свойственно для русских текстов аналогичных жанров, в связи с чем рекомендуется прибегать к стилистической нейтрализации при переводе английской сниженной лексики в текстах указанного типа. Но если не заимствуется сам стиль или жанр исходного языка, то жанрово-стилистическая норма переводящего языка в целом должна соблюдаться, особенно в тех случаях, когда ее несоблюдение может вызвать эффект, прямо противоположный ожидаемому. Не возникает трудностей, например, при переводе сочетания *социалистическое соревнование* - 'socialist emulation'. Но заимствования в прямых значениях и заимствования, большей частью связанные с областью образной речи, имеют разный характер, например, сочетания, построенные на переносном употреблении военной лексики: *битва за урожай* (вместо 'страда', 'уборочная кампания'), «животноводческий фронт» (вместо 'животноводство'). Не следует спешить с буквальным переводом таких единиц на языки тех народов, для которых подобная символика непривычна и может вызвать неожиданные для нас ассоциации.

Таким образом, адекватный перевод предполагает учет лингвистических, стилистических, pragматических, конвенциональных норм исходного и переводящего языков, знания особенностей культур. Отметим, что межкультурная компетенция - одна из главных составляющих адекватного перевода. Перевод как общение в устной или письменной формах можно считать социальным поведением, подпадающим под действие «социальных норм». Любой перевод находится под влиянием этнических стереотипов поведения (в ситуации последовательного устного перевода на слух это проявляется еще в более наглядной форме). Переводчик, сталкиваясь с этносоциокультурными феноменами («социальными нормами», «типами поведения», «социальными статусами», «социальными ролями» коммуникантов, «этикетами», «ритуалами», «национально-культурной спецификой речевого поведения», «этническими стереотипами поведения», «национальными характерами»), играет исключительно важную роль.

ЛИТЕРАТУРА

- Виссон Л. Синхронный перевод русского на английский. М., 2001.
Комссаров В.Н. Лингвистика перевода. М., 1980.
Палажченко П. Все познается в сравнении или несистематический словарь трудностей, тонкостей и премудростей английского языка в сравнении с русским. М., 2000.
Петренко К., Чужакин А. Transcript to Audio Course ("Top Translators Talk on Tape"). М., 1999.
Семко С.А., Калмыков В.А., Дубинко С.А. Проблемы общей теории перевода. Таллинн, 1988.
Черкасский Л.Е. Русская классика на востоке. Экстра- и социологические аспекты перевода // Взаимодействие культур Востока и Запада. М., 1987. С. 146-163.

Мовазнаўства

Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М., 1988.
Ярцева В.Н. Языковые контакты в условиях близких и далеких языковых культур // Литература. Язык. Культура. М., 1986. С. 243-249.
Lourie R., Mikhailov A. Why You'll Never Have Fun in Russian // The New York Times Book Review, 18 June 1989. S. 38-45.

Поступила в редакцию 22.04.05.

Светлана Алексеевна Дубинко - кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английского языка экономических специальностей факультета международных отношений.

Е.В. ПОВЗУН

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФИГУРЫ В РОМАНЕ ЭНН БРОНТЕ «НЕЗНАКОМКА ИЗ УАЙЛДЕЛЛ-ХОЛЛА» (1849)

Основными синтаксическими фигурами романа Э. Бронте «Незнакомка из Уайлдфелл-Холла» являются умолчания (незаконченные предложения), подхват, ретардация, перечисление, детализация, синонимический повтор, асиндeton.

The main syntactical figures in A. Bronte's novel «The Tenant of Wildfell Hall» are break-in-the-narrative, anadiplosis, suspense, enumeration, specifying, synonymous repetition, asyndeton.

Энн Бронте (1820-1849) занимает в английской литературе место более скромное по сравнению со своими сестрами Шарлоттой и Эмили. Однако без нее невозможно в полной мере постичь того, что в бронтоведении называется «феноменом сестер Бронте», суть которого заключается в органичной целостности творчества трех сестер.

Творчество Э. Бронте в русскоязычной критике, в отличие от англоязычной, где имеется ряд монографических работ по жизни и творчеству писательницы - У. Джерин (см. Gerin 1959), Э. Читхэм (см. Chitham 1987), исследовано недостаточно. Написано всего несколько статей, где характеризуется творчество Э. Бронте в целом, в частности, статья Н.П. Михальской (см. Михальская 1990) и А.А. Дружининой (см. Дружинина 2000). Работ, посвященных отдельным аспектам романов писательницы - «Агнесс Грей» («Agnes Grey», 1847), «Незнакомка из Уайлдфелл-Холла» («The Tenant of Wildfeil Hall», 1849), - в русскоязычном литературоведении в настоящее время нет.

Синтаксические фигуры, придающие речи добавочную выразительность, - стилистический прием наряду с лексическим, фонетическим, морфологическим и др. Теоретической базой при анализе синтаксических стилистических приемов в романе Э. Бронте послужили работы И.Р. Гальперина (см. Гальперин 1958), Ю.М. Скребнева (см. Скребнев 2000), В.А. Кухаренко, И.В. Арнольд (см. Словарь 2004).

Ведущее место в диалогах романа Э. Бронте принадлежит таким приемам, как умолчание и подхват. Первый прием, главным образом, встречается в диалогах Хелен и Гилберта. Приведем отрывок из их разговора, когда Гилберт делает Хелен предложение, но Хелен Грэхем, как она себя называет, не может его принять и объяснить почему, а Гилберт не понимает причин отказа, и оба героя испытывают смятение, в силу этого в их фразах содержится недосказанность, предложения не закончены.

Гилберт: «Я бы гордился этим, Хелен! Был бы неописуемо рад и счастлив! И если это - единственное препятствие для нашего союза, то его более не существует, и вы должны... вы будете моей!»

Хелен: «Нет-нет, есть и другое!»

Гилберт: «Но какое же? Вы обещали, что со временем я узнаю, так неужели...»

Хелен: «И узнаете... но не сейчас... Ах, как у меня болит голова! Мне надо отдохнуть... Я и так уже сегодня столько выстрадала!»

Гилберт: «Но если вы скажете, вам станет легче! Вы облегчите душу, а я буду знать, как вас утешить».

Хелен: «Если вам станет известно все, то и вы будете винить меня... может быть, даже больше, чем я того заслуживаю... пусть я и причинила вам огромное зло» (Бронте 2003, 102-103).